

Т. Ю. ХЭМЛЕТ (Москва)

Рецензия на книгу: Краюшкина Т. В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. — Владивосток: Дальнаука, 2009. — 338 с.

Сказковедение — развитая отрасль фольклористики, в которую значительный вклад внесли труды российских ученых XIX—XX вв. (А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Э. В. Померанцевой, Н. В. Новикова, Л. Г. Барага, Ю. И. Юдина, Е. И. Шастиной, К. Е. Кореповой, В. П. Аникина и многих других). Появление новых сказковедческих трудов свидетельствует о продолжающемся развитии данной отрасли.

Монографию Т. В. Краюшкиной можно отнести к культурологическим исследованиям. В аннотации автор пишет, что данная книга — первая попытка изучения «мотивов тела и телесных состояний человека на материале русских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока» (с. 4). Книга состоит из трех глав, предисловия, заключения и источниковедческой базы. В предисловии ставится основной вопрос, на который должна ответить монография: «что есть тело и телесные состояния человека в волшебной сказке (какими принципами руководствуется сказка, изображая их; что является основным, а что второстепенным и почему; как взаимодействуют между собой те или иные группы мотивов, с помощью которых изображаются телесные состояния)» (с. 5). Цель работы определена как «анализ мотивов, входящих в группу состояний тела человека русской народной волшебной сказки» (с. 5).

Автором выделены три основные группы мотивов: тело и его признаки, особые состояния тела и изменение внешнего облика. К сожалению, Т. В. Краюшкина не дает определения понятия «мотив», положенного в основу ее классификации. Отметим, что в фольклористике под мотивом обычно подразумевается «простейшая повествовательная единица, элементарный сюжет или составная часть сюжета» [Зуева 2002, 102]. Именно в этом значении выделил впервые мотив А. Н. Веселовский, а народная художественная

практика полностью его подтверждает. Можно полагать, что автор рецензируемой монографии придерживается другого понимания мотива, так как в выделенных в книге мотивах не всегда присутствует повествование. В исследовании также используется понятие «подтип мотива» (с. 47), что также требует терминологического разъяснения.

Монография Т. В. Краюшкиной имеет своеобразное название «Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока». Оно привлекает внимание своей необычностью, прежде всего, необычными сочетаниями: «мотивы тела человека», «телесное состояние». Согласно «Современному толковому словарю русского языка» Института лингвистических исследований РАН (М., 2004), тело — это «1. *Физ.* Материя, вещество, заполняющие определенную часть пространства; отдельный предмет в пространстве... 2. Организм человека или животного и его внешних физических форм и проявлений... 3. Часть туловища человека от шеи до ног... 4. Останки умершего человека, труп... 5. *Проф.* Основная часть чего-то ...» [Толковый словарь 2004, 824]. Те же толкования данного слова приводятся и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 1972, 728]. В произведениях фольклора слово «тело» чаще всего употребляется в третьем значении (часть туловища человека от шеи до ног), а также в четвертом (останки умершего человека, труп). Например, в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» читаем: «Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились и начали есть тело Ивана-царевича, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое»; «...серый волк sprыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослось» [Афанасьев 1984, № 168]. Т. В. Краюшкина опирается на то значение слова «тело», которое в толковом словаре стоит под вторым номером: «организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях».

Исследовательница пишет в своей работе достаточно много о физических состояниях человека, но при этом часто выходит за рамки выбранного ею термина «телесные состояния». В большом по объему параграфе «Прятки» (с. 239—253) говорится не о телесном (физическом) состоянии человека, а о «мотиве прятки»,

примыкающем к «мотиву оборотничества», мотиву физического состояния героя волшебной сказки. В монографии есть также параграф «Ношение одежды, головных уборов, обуви и украшений» (с. 253—274). Одежда, головные уборы, украшения являются не телом или физическим состоянием тела человека, а предметами, покрывающими тело [Ожегов 1972, 405, 754, 762]. В разделе «Оборотничество» автор пишет об изменениях как физических, так и внутренних — например, интеллектуальных: «Трансформируется не только внешний вид человека, но и его внутренняя сущность <...> Сам герой обретает качества, которыми прежде не обладал, например, ум и огромную физическую силу, что подчеркивается в сказке: “Он в правое ухо залез, а в левое вылез. Стал красивым и умным”» (с. 212). В христианском понимании существует единство тела, души и духа. Русь является православной более тысячи лет, и вследствие этого понятие тела в русских волшебных сказках, безусловно, соотносится с душой. В разделе «Ношение одежды, головных уборов, обуви и украшений» исследовательница пишет о связи одежды с духовной жизнью народа на примере сказки «Царевна-лягушка» (СУС 402¹): царь сорочку от младшей невестки собирает «одеть для тела Христова» (с. 266), то есть на Пасху, в день причастия. Таким образом, автор монографии, следуя народному пониманию, вынуждена выходить за рамки, ограниченные названием труда.

Каждая глава имеет четкое построение, обычно состоит из нескольких параграфов, в конце каждого параграфа сделаны общие выводы. В конце монографии приведены таблицы (с. 300—311), в которых данные выводы представлены автором в виде схем. Т. В. Краюшкина часто цитирует фольклористов, которые поднимали данные вопросы в своих трудах: А. П. Белик, Т. И. Вендину, М. Н. Зыкову, Н. А. Криничную, В. Е. Добровольскую, Е. М. Мелетинского и др.

Исследовательница анализирует большой пласт сказочного русского материала Сибири и Дальнего Востока. При анализе Т. В. Краюшкина делает общие выводы и подтверждает их многочисленными цитатами из русских волшебных сказок, что, без сомнения, является достоинством работы. Часть выводов автора подтверждается данными специальных социоло-

гических и исторических исследований. В соответствии с целью работы проведен значительный по объему анализ русских волшебных сказок избранного региона, но обобщение препарированного материала (синтез) еще не завершено. Выражаясь образным языком, найдено и описано огромное количество разнообразных элементов («мотивов», по терминологии автора), которые пока еще только начали складываться в единую картину.

В первой главе «Тело и его признаки» Т. В. Краюшкина говорит о частях тела и лица, о поле персонажей, о фазах жизненного цикла, о размерах тела и красоте, о внешнем сходстве, запахе и гигиенических характеристиках персонажей русских волшебных сказок.

Во второй главе «Человек и особые состояния его тела» говорится о появлении человека на свет, о силе и слабости человека, болезни и болезненных состояниях, телесных повреждениях и исцелениях, о смерти и оживлении человека, о разрушении и восстановлении человеческого тела в волшебных сказках, об особенностях сна и об опьянении, о похмельном синдроме и отрезвлении.

В третьей главе «Изменения внешнего облика» описываются такие явления, как оборотничество, переодевание, прятки, ношение одежды, головных уборов, нагота.

В основном Т. В. Краюшкина применяет формальный метод исследования, на основании которого сделаны, например, следующие выводы: «Если герои имеют золотые или серебряные конечности, то у их помощников могут быть части тела из других — драгоценных металлов...» (с. 11); «...в русских народных волшебных сказках упоминаются части человеческого тела: одни — чаще, другие — реже. Части тела закреплен ряд функций. Если части тела имеют необычный вид (например, цвет, материал или же гиперболизированный размер), то это указывает на связь с иным миром. У героев это становится показателем чудесного происхождения, а у помощников и антагонистов — признаком нечеловеческой природы...» (с. 11); «...принадлежность персонажей женскому и мужскому полу задана изначально в их ролях и именах. Особо о поле как таковом в сказке говорится мало» (с. 15); «мотивы зачатия от выпитой воды, ветра или пощелуя ... в волшебной сказке используются нечасто» (с. 98); «врожденными физичес-

¹ Классификация сюжетов дана по СУС.

кими недугами в волшебной сказке обладает небольшое количество персонажей» (с. 137) и т. д.

С некоторыми выводами, сделанными в монографии, трудно согласиться. Например, с выводом о металлических частях тела героев, рожденных чудесным образом в сказке. В сюжете «Чудесные дети» (СУС 707) присутствует застывшая формула «по колена ноги в золоте, по локоть в серебре», в которой антропоморфный образ Даждьбога соединился с идеей небесного света. Золотой цвет в сказке, безусловно, связан с солнцем. При истолковании данной сказочной формулы следует учитывать, что речь идет об излучении света, а не о металле, из которого сделаны руки и ноги. Что же касается металла у антагонистов, то с данной частью вывода можно согласиться. Металл у антагонистов, действительно, указывает на их нечеловеческую природу: они принадлежат к другому миру.

В монографии содержатся некоторые весьма интересные наблюдения. Например, исследовательница предлагает «мотив оборотничества» (который в традиционной культуре рассматривается с позиций *добровольности/невольности*) «дополнительно классифицировать с позиции *активности/пассивности* персонажа во время изменения облика (при самостоятельном оборотничестве персонаж сам изменяет облик, а при несамостоятельности ему сделать это предлагает другой персонаж)» (с. 185). Анализируя сюжеты сказок «Царевна-лягушка» и «Чудесные дети», Т. В. Краюшкина пишет о разных значениях умения шить. В «Царевне-лягушке» это испытание на готовность к браку, а в сказке «Чудесные дети» «ценнее оказывается не умение обшить все царство, а способность родить чудесных сыновей» (с. 267).

В монографии присутствуют фрагменты историко-генетического исследования сказки, что делает ее интересной как для фольклористов, так и для более широкого читательского круга. Например, Т. В. Краюшкина обращает внимание на взаимосвязь частей человеческого тела и небесных светил, что характерно для мифологии славян (сюжет «Чудесные дети»). В параграфе «Гигиенические характеристики» один из выводов состоит в том, что для сказки «характерно ритуальное мытье, связанное с переходом умершего в иной мир, но отсутствует совершившееся риту-

альное мытье невесты в бане перед свадьбой» (с. 66). Опираясь на данные истории о том, что во время одной из форм ухаживания у австрийцев девушкам и парням, нарушившим в пути молчание, «натирали лицо сажей или снегом», автор пишет и о том, что «ритуальная основа прослеживается в группе мотивов загрязнения, связанных с заключением брака» (с. 53). Во второй главе в параграфе «Появление человека на свет» исследовательница делает попытку обобщить все возможные способы чудесного зачатия: от медведя, через принятие пищи (горох, яблоко, рыба, цветок, ягода и даже части тела — колена), от воды, ветра, через поцелуй; способы сотворения детей из доступных материалов (глины, снега, теста, каши, дерева). Она объясняет данное явление древними мифологическими представлениями славян, а сотворение из глины — библейским мифом, перешедшим в русские апокрифы.

В параграфе «Болезнь, болезненное состояние» Т. В. Краюшкина дополняет «мотив переправы»² в иной мир, связанный с обрядом посвящения (о чем писал В. Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки»), «мотивом возвращения героя с того света» на тотемном животном (птице, кобыле и т. д.). Она обращает внимание на то, что герой в конце пути отрезает какую-то свою часть тела и скормливает ее тотемному животному. На основании этого исследовательница делает вывод о «завершении обряда посвящения» (с. 127).

Т. В. Краюшкина пишет и о более поздних по времени привнесениях в традиционную волшебную сказку, например, таких как резкое уменьшение веса положительных персонажей из-за негативных эмоциональных переживаний (глава 1); или, например, «причиной слепоты становится сильная тоска о сыне» (с. 124). Делается вывод о том, что «это результат позднего явления — психологизма, для традиционной сказки не характерного». (с. 30). Автор монографии полагает, что мотив утраты красоты появляется позже мотива ее получения и что данный мотив связан с событиями человеческой жизни.

Основной вывод состоит в том, что красота «является неотъемлемым при-

² На самом деле это функция, а не мотив. Функция — термин, введенный В. Я. Проппом и обозначающий «действия персонажей, необходимые для развития сюжета» [Зуева 2002, 284].

знаком молодых героев и героинь. Молодость — одна из составляющих красоты»; а также, что «... в русской сказке не сообщается отдельно о красоте лица или тела, но могут вводиться отдельные признаки того или иного — белизна кожи или стройность тела» (с. 40). Автором сделано интересное наблюдение по поводу регионального представления о красоте, распространенного в Сибири и на Дальнем Востоке. Оно нашло отражение в сказках данных районов: по замечанию «этнографов и путешественников, сибирякам нравились чернявые женщины, темнокожие и темноволосые» (с. 32). Т. В. Краюшкина приводит следующую цитату из местной сказки «Ясень День и Зоренька»: «Аленушка <...> черноброва, смугла, стройна» (с. 32).

Исследовательницей достаточно полно проанализированы изменения во времени мотива перевоплощения героя через ухо коня (линейное перемещение — многократное перемещение туда-обратно — перемещение не внутри коня, а вдоль коня, а также вынос сбруи из коня) (с. 212). Она делает вывод о вторичности мотива переодевания в одежду, вынесенную из коня.

В заключение Т. В. Краюшкина пишет: «Мотивы телесных состояний человека в русской народной сказке делятся на три основные группы: тело и его признаки, особые состояния тела, изменения внешнего облика. Одни из мотивов отражают существующие в действительности состояния тела. Это признаки тела (за исключением мотивов получения красоты и молодости); сила и слабость, болезнь, болезненное состояние, телесное повреждение и исцеление, обморок, смерть, разрушение тела, опьянение, похмельный синдром и отрезвление; ношение одежды, головных уборов, обуви и украшений, нагота. Другие мотивы относятся к среде сказочной фантастики, находясь в зависимости от ряда явлений традиционной культуры и мифологических представлений славян (получение красоты и молодости; появление человека на свет, оживление человека, восстановление тела человека, особенный сон; оборотничество, переодевание)» (с. 296). По нашему мнению, автору следует обратить больше внимания на такие свойства фольклора, как вариативность и традиционность. За все время существования волшебной сказки в рамках фольклорной традиции произошел отбор типичных повествова-

тельных элементов, характерных для этого жанра. Именно фольклорная традиция осуществляла связь времен, выражая коллективное мнение народа о нетленности его духовных ценностей, о красоте, а применительно к теме данного исследования — мнение народа о теле человека и его телесных (физических) состояниях. И это не простое отражение существующих в действительности состояний человеческого тела.

Как указывает автор монографии, критерием отбора текстов послужил принцип «единого пространства». Понятие «единого пространства» также требует разъяснения, чтобы было понятно, о каком «едином пространстве» идет речь: о географическом или художественном. Выбранный аспект изучения (тело и телесные состояния) определил структуру монографии и ее достаточно большой объем. В монографии использована классификация «Сравнительного указателя сюжета. Восточнославянские сказки» (СУС). В сказковедческой работе следовало бы также сделать отсылки к общепринятому международному фольклорному указателю Аарне-Томпсона.

Многочисленные выводы, сделанные в результате синхронного сопоставления сказочных текстов, перемежаются с историко-генетическими экскурсами, что несколько затрудняет читательское восприятие. Работа написана доступным языком, а потому может быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Литература

- Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / сост. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Т. 1. М., 1984.
- Зуева 2002 — Зуева Т. В. Русский фольклор: Словарь-справочник. М., 2002.
- Ожегов 1972 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.
- Толковый словарь 2004 — Современный толковый словарь русского языка / Ин-т лингвистических исследований РАН. М., 2004.

Сокращения

- СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.